

РЕСТАВРАЦИЯ

УДК 7.026

Из истории реставрации художественной мебели в России. Некоторые факты деятельности Гофинтендантской конторы Императорского двора в XIX веке

В. С. Торбик, Е. А. Чаликова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Торбик, Владимир, и Елизавета Чаликова. “Из истории реставрации художественной мебели в России. Некоторые факты деятельности Гофинтендантской конторы Императорского Двора в XIX веке”. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение* 8, по. 3 (2018): 508–24. doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu15.2018.310>

Рассматривается деятельность Гофинтендантской конторы по сохранению и поддержанию в порядке мебели и других предметов убранства императорских дворцов в XIX в. Приводятся документы, содержащие сведения о состоянии мебели, а также документы, регламентирующие деятельность ответственных за сохранность дворцового имущества лиц. За состоянием убранства следил комиссар Гардемебельной части. В его должностной инструкции изложены основные требования, которые должны им применяться для поддержания в определенном состоянии дворцовой мебели, указаны характер и периодичность производства работ. Сами работы по уходу и текущему ремонту предметов выполнялись работниками мастерской роты. Приводятся примеры выполняемых работ. Особого внимания заслуживают документы, раскрывающие периодичность реставрационных работ. Для пополнения мастерской роты квалифицированными кадрами была создана школа для детей мастеровых, состоящих на службе в Гофинтендантской конторе. Рассматриваются ее деятельность и методы подготовки мастеровых. Особого внимания заслуживают сведения о формах воспитания и отбора учеников по разным специальностям в зависимости от предрасположенности к обучению. Весь объем работ по содержанию в надлежащем состоянии грандиозного по размерам дворцового имущества не мог выполняться только мастерами Гофинтендантской конторы. Для выполнения работ по ликвидации последствий стихийных бедствий через торги контора нанимала вольных мастеров. Их деятельность раскрывается в приведенных документах на производство разного рода работ по сохранению

дворцового имущества. Также вольные мастера выполняли заказы по докомплектации интерьеров предметами мебельного убранства. В качестве иллюстрации приведен проектный рисунок трюмо для Петергофского дворца, который служит прекрасным образцом нового эклектичного подхода к проектированию и изготовлению мебели. Статья построена на основе изучения и анализа архивных документов, многие из которых публикуются впервые.

Ключевые слова: Гофинтендантская контора, мебель, мастер, мастеровой, ремонт, реставрация, школа, эклектика, дворцовый интерьер.

К первой четверти XIX в. в дворцовых интерьерах сформировалась уникальная коллекция предметов мебельного убранства. Уровень ее технических и художественных достоинств очень точно оценил хранитель I отделения Нового Эрмитажа Флориан Жиль¹: «Столярное мастерство было еще в прошлом столетии настоящим искусством, чему доказательством служат оставшиеся в Эрмитаже образчики, как, например, прекрасные шкапы Нейвида в Итальянской зале и в других комнатах. Я полагаю, что при твердом желании, можно получить те же результаты, предоставив мастеровым, коим будет поручена работа, надлежащее время»² [I, л. 15].

Кроме изготовления новых предметов, о которых говорит Ф. Жиль в 1840-м году, старинные предметы мебельного убранства, уже осознанные современниками как произведения искусства, требовали постоянного ухода. К тому же, в отличие от произведений изобразительного искусства, в интерьерах дворца они использовались по прямому назначению.

Содержание в должном порядке сложного и многообразного хозяйства императорских дворцов находилось в ведении Гофинтендантской конторы³. Она была основана еще в первой половине XVIII в.⁴ Деятельность конторы корректировалась, и по мере необходимости в зависимости от требований времени вносились уточнения или изменения в ее работу. В статье делается попытка рассмотреть некоторые черты ее деятельности во второй четверти XIX в., когда деятельность конторы, как и других ведомств, подвергается подробной регламентации. Именно в этот период учреждаются должностные инструкции, штатное расписание, рассматриваются различные формы найма мастеровых, организуется школа, подведомственная конторе. В качестве примера детализации требований можно привести кондиции на работы по содержанию мебели Елагиноостровского дворца, который был приобретен в казну в 1817 г.⁵

¹ Флориан Антонович Жиль (1801–1865) на протяжении последних 20 лет своей жизни был фактически первым директором Императорского музея.

² Цитирование документов в статье осуществляется с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации.

³ Гоф — нем. «двор», ставится перед званиями и должностями соединенно, для указания принадлежности их ко двору [1, с. 361].

⁴ Министерство Императорского двора было образовано 22 августа 1826 г. В его структуру вошла и Гофинтендантская контора: «4. Гоф-интендантская контора заведывает Каммер-Цалмейстерскою, Гоф-Штаб-Квартирмейстерскою частями, городскими дворцовыми магазинами, некоторыми придворными зданиями и селениями» [2, с. 392].

⁵ «22 февраля 1817 года Елагин остров со всеми каменными и деревянными строениями, оранжереею и садом куплен был Императорским Кабинетом от Графа Орлова за 350 000 рублей» [2, с. 362].

«Кондиции на содержание в исправности мебели по Елагино Островскому Дворцу.

1е, Обязанность подрядчика будет состоять в том содержать в исправности состоящую по Елагино-островскому дворцу и принадлежащим к оному зданиям так же двум павильонам при оранжереях; в павильоне под флагом и другим строениям ветхого рода мебель, не исключая и простой, так же двери с украшениями и бронзовые вещи, так, чтобы не только не было ни малейшего повреждения, но что бы каждая вещь во всякое время была в должной чистоте и политуре, а бронзы сохранялись бы в совершенном блеске и порядке.

2е, Содержать в исправности матрацы черной кожи <...> то есть: что бы кожа на них всегда была черна и в надлежащем виде; починять на ней дыры если сие не будет делать безобразие, в противном случае переменять старую кожу новою такой же если потребуется перебивать оные с добавкою шерсти или чистаго конского волоса, смотря чем набиты были прежние матрацы, без особой за то платы, но с отпуском казенных материалов, и считать все в общей цене за всю означенную работу.

3е, Строго наблюдать чтобы вообще во всей мебели не завелось моли.

4е, Для производства работ и помещения инструментов подрядчика, в строениях Елагино-Островского дворца одна комната с тем, чтобы в оной были производимы все исправления относящиеся к обязанности его во всякое время <...> Высочайшего присутствия помянутым мастером быть во дворце безотлучно в той комнате так что бы во всякое время были готовы к самоскорейшим исправлениям могущих встретиться починок и производили оные без малейшего задержания» [II, л. 4].

Специалисты Гофинтендантской конторы с привлечением по необходимости архитекторов занимались перемещением предметов, подборкой мест для их эксплуатации и экспонирования. Эта сторона деятельности конторы отражена в ряде архивных документов.

«Господину Министру Императорского Двора. Президент Гоф Интендантской Конторы. Рапорт. На основании предположений о устройстве Камерцалмейстерской должности, с обращением бывшей в Боурском доме кладовой в жилые покои, хранившиеся в оной вещи, годные перевезены в кладовые Зимнего дворца, требующие исправления поступили на Гоф Интендантский Мастерской двор, а прочие в Гоф Интендантские Магазины, из коих оказавшиеся негодными по сортировке Архитектором Шарлеманем обще с комиссаром Ангриным под наблюдением Советников Статского Советника Ильина и Коллежского Советника Зубкова, назначили в продажу» [II, л. 4].

«При представлении на усмотрение некоторых вещей поступивших в Гоф Интендантские магазейны из бывшей в Боурском доме кладовой Ваше Сиятельство приказали доставить 1, сведения, во что обойдется исправление значущегося по описи под № 367 сундука с разными украшениями из слоновой кости, перламутра и черепахи и 2, Описание машины для очищения каналов. На сие честь имею донести 1, по неимению совершенно знающих токарное дело казенных мастеров сундук под № 367 нельзя исправить на Гоф Интендантском мастерском дворе, почему вызваны были трое вольных мастеров, из коих один объявил последнюю цену 340 рублей, обязав произвести сие исправление во всем согласно существующему рисунку из своих материалов в течении одного месяца» [III, л. 1, 10].

Через магазины Гофинтендантской конторы, или, как их называли, конторские магазины, производилась продажа предметов плохой сохранности. Чаще всего их покупали мастера в качестве материала для ремонтных работ, а те детали, которые не могли быть пущены в дело, скупали на дрова: «В Конторские магазейны из Камер-Цалмейстерской должности Зимнего дворца доставлены совершенно негодные ни на какое употребление разломанные на части без многих ножек и спи-

нок 18 стульев березового дерева. На сем рапорте столярный мастер надписал что стулья сии ни к какой починке не годны <...> означенные 18 стульев по случаю неимения многих ножек и прочих частей значительно сломанных — совершенно не годны к починке, почему обращены на дрова» [IV, л. 82].

С позиции оценки предметов, составляющих убранство дворца, как произведений искусства начинается такой сугубо деловой документ, как должностная инструкция комиссару Гардемебельной части: «Обширность Дворца Его Императорского Высочества, богатство находящихся в покоях мебели, украшений и убранства, поставляют в необходимость иметь при оном особому Комиссару, коего обязанности состоят в нижеследующем: 1е. В заведывании Комиссара и на ответственности его состоят все в парадных и внутренних комнатах, так же в квартирах Гофмейстерины, Гофмейстера, фрейлин, камер-фрау, девиц и других особ, временное или всегдашнее пребывание при Дворе имеющих, мебели, украшения бронзовые, фарфоровые, гипсовые или из композиции вещи, люстры, часы, зеркала в рамах, драпировка» [V, л. 17].

Высокому художественному уровню произведений мебельного искусства, которые находились в эксплуатации, должен был соответствовать уровень специалистов, отвечавших за их сохранность. Принятые решения по предполагаемым работам утверждались на Высочайшем уровне. Без преувеличения можно сказать, что в этой сфере не было второстепенных вопросов. Государственные чиновники вели дела конторы с разумной деловитостью, которая иногда может показаться даже мелочной; учитывалось все, вплоть до срока годности метел из различных материалов и назначения отломанных мебельных деталей. Контроль состояния сохранности дворцового имущества лежал на комиссаре Гофинтендантской конторы. Его деятельность в свою очередь контролировал министр Императорского двора. Красочную картину постоянного контроля дают выдержки из архивных документов.

«Господину Министру Императорского двора. Президент Гоф Интендантской конторы. Рапорт. В числе назначенных в нынешнем году по Зимнему дворцу работ предложено между прочим исправить и вычистить фальшивый мрамор во внутренних комнатах на половине покойной Государыни Императрицы Марии Федоровны посредством вольных мастеров, таковая работа, по исчислению Архитектора Шарлеманя обойдется в 800 рублей. Как временное исправление фальшивого мрамора в помянутых комнатах признается недостаточным, ибо оказавшиеся в оном щели год от года увеличиваются то я полагаю на сей раз мрамор сей в настоящем виде до некоторого времени, с тем чтобы в последствии предпринять общее исправление оного, на что и испрашиваю разрешения Вашего Сиятельства. <...>

Господину Гофмейстеру Дурново. Проходя вчера комнаты, занимаемые Канцелярией Комитета Г. Министров, я видел, что обивка мебели в оных комнатах весьма безобразна и истерта, почему и спрашивал заведующего сими комнатами Камергера 8го класса Яковлева, о причине сего, который мне донес, что находящаяся там мебель поставлена на время, пока не будет исправлена вся та что туда назначена. Находя неприличным в комнатах означенного Комитета иметь хотя бы временно таковую безобразную мебель, я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство приказать переменить оную немедленно. Министр Императорского Двора Князь Волконский» [VI, л. 17, 47].

Должность комиссара предполагала ежедневный обход всех дворцовых покоев и контроль действий придворных служителей, «чтобы <...> в отношении мебели и других убранств, соблюдаема была совершенная опрятность, чистота и береж-

ливость» [V, л. 18]. Именно комиссар должен был выявлять повреждения и принимать меры к их устранению: «Если при осмотрах своих или по уведомлении Гоф-фурьера или Камер лакеев, удостоверится он в необходимой надобности починить или вычистить мебель, позолоту, живопись, бронзу, материи и тому подобное, то должен войти о сем с представлением в Контору, и получив разрешение, приложить с своей стороны старание, дабы испорченное исправлено было надлежащим образом и в ближайшем времени. Счет Мастера о починке свидетельствует, показывая к какой комнате мебель или вещь та принадлежит» [V, л. 18].

Специфика ухода за предметами, выполненными из дерева, состоит в том, что древесина — самый капризный и нестабильный материал, который используется при создании произведений прикладного искусства. Она активно реагирует на изменения атмосферно-влажностного режима. Ее детали постоянно увеличиваются или сокращаются в размерах, теряет прозрачность отделочный слой. Уже в то время понимали важность поддержки стабильного атмосферно-влажностного режима, и эта функция вменялась в должность комиссара: «Также должен Комиссар наблюдать, чтобы в зимнее время, все комнаты отопляемы были, и содержимы в надлежащей теплоте [эта фраза вычеркнута], дабы от жару, холода или сырости убранства и мебель не подвергались порче» [V, л. 18].

Хорошая сохранность мебели прошлых столетий, цвет ее древесины и глубина отделочного слоя определяются тем, что ее бережно сохраняли во время эксплуатации. Постоянно производился контроль ее состояния, и принимались меры к ликвидации малейших следов разрушения. Этот постоянный контроль также возлагался на комиссара: «Ежегодно и немедленно по отъезде двора в загородные места, комиссар обязан осмотреть во всех дворцовых комнатах и квартирах мебель и все украшения, и составить подробную опись тем вещам, кои найдет требующими починки, чистки, полировки или другого какого исправления, и представляет оную Конторе, которая и делает уже должные с своей стороны распоряжения. По исправлении же вещей тех мастерами, Комиссар принимает от них с строжайшим наблюдением, дабы вещи возобновлены были надлежащим и прочным образом, в чем счета мастеровых свидетельствуют, как выше сего постановлено» [V, л. 18].

Комиссар следил за чистотой комнат, соблюдением срока годности предметов, предназначенных для уборки помещений, регулярной полировкой мебели собственных и парадных комнат: «При требовании вещей, нужных к соблюдению чистоты по комнатам, должен соблюдать срок отпущенных в последний раз вещам. Сроки назначаются: щеткам половым, ручным, платяным и лопаткам для курения один год, метелкам перяным и прутяным полгода. Полировку мебели в собственных и парадных комнатах так же у Гофмейстра и Гофмейстерши производить каждый год, у прочих же лиц через два года»⁶ [V, л. 18].

Большая часть наблюдений комиссара представлялась в контору, где они и рассматривалась. Однако некоторые ситуации, требующие оперативной реакции, комиссар имел право решать на месте. «Для скорейшего удовлетворения Экстренных требований и сокращения излишней переписки, Комиссар, сообразив, какие вещи или материал нужны более к употреблению для производства мелочных исправ-

⁶ Эта цитата имеет большое значение для объяснения феномена эффекта старой полировки: ежегодная полировка мебели дворцовых апартаментов приводила к созданию толстого, прочного, обладающего «бриллиантовым эффектом» отделочного слоя.

лений, представляет в Контору исчисления таковому запасу, примерно на каждую треть года, а потом о расходах их подает отчет» [V, л. 18]. Так, комиссар непосредственно руководил обойными работами. «Комиссар непосредственно заведывает обойною работою, для чего и имеет под своим начальством одного обойщика. А как общее или большее производство обойной работы бывает по дворцу обыкновенно ко времени возвращения Двора из загородных мест и исправляется посредством поденных работников, то строго наблюдает, дабы обойщики и портные являлись на место работ в определенное время, и работы производились успешно и прочно, а материалы употреблялись с бережливостью. Ни одного работника не нанимать без разрешения Конторы» [V, л. 18].

В обязанности комиссара входила также проверка комнат после торжественных случаев и составление «подробных памятных записок <...> каким образом были убраны комнаты или столы и какие вещи каким образом были расположены, каковую и подает Конторе, а сам вносит в особую на предмет сей данную ему книгу» [V, л. 18]. Кроме того, комиссар следил за содержанием предметов мебели и прочих вещей в кладовых; вещи должны были быть разложены по сортам, храниться в шкафах, мебель покрывалась холстом.

Для учета существовали «в кладовой три шнурованные книги»: «В первой <...> разные вещи, как то: бронзовые, стальные, композиции, мраморные, хрустальные, фарфоровые и проч.; во второй мебели, как новые, так и старые, в кладовой находившиеся, а в третьей, так же новые и старые материи, каленкоры, кисти и другие изделия, на обивку мебели, драпировку и прочие убранства употребляемые» [V, л. 18]. Каждый предмет описывался с той исчерпывающей полнотой, которая соответствует требованиям музейного хранения, т. е. «по какому предписанию и где приобретена покупкою, выписана из за границы или принесена в дар, какой работы здешней или иностранной, какого изделия, материала, дерева, цвета, меры и тому подобное, поступала ли она в кладовую вновь или перенесена из комнаты, также годна ли к употреблению или нет» [V, л. 18]. К 1 января каждого года в контору представлялся полный отчет обо всех состоявших на учете предметах.

Гофинтендантская контора была упразднена 21 апреля 1851 г. Однако для поддержания дворцового имущества в надлежащем состоянии сохранился штат постоянных работников. В особых случаях нанимались вольные мастера и мастеровые⁷. Вся деятельность их была подробно прописана и регламентирована. Мастеровые, обслуживающие дворцовое имущество были объектом особого внимания. Продумывались их квалификации, занятость и оклады, а также образование, пенсии, одежда, бытовые условия, потребность в инструменте и пр. Между тем ко второй половине XIX в. приходит осознание того, что не всегда выгодно содержать большую команду постоянных работников, если для выполнения крупных по объему работ приходится нанимать вольных мастеров. Функции мастеровых Гофинтендантской конторы были переданы созданной для этой цели мастеровой роте.

⁷ В XIX в. мастер заключал подряды на производство работ, подбирал исполнителей и нес полную, в том числе материальную, ответственность за сроки выполнения работ и ее качество. Саму работу по изготовлению предметов и их реставрации выполняли мастеровые.

«На основании положений Высочайше утвержденных в 1858 и 1860 годах Мастерская команда при Императорском Зимнем дворце предназначалась для ежедневных починок и производства работ, не терпящих отлагательства, и преимущественно в зимние месяцы, во время пребывания Высочайших особ в Зимний дворец; летом же, когда производятся ремонтные работы, люди с Мастерской команды работают наравне с вольнонаемными. Из опыта оказывается, что во время пребывания Высочайших особ в Зимнем Дворце действительно есть необходимость в хороших мастеровых, прилично одетых, для ежедневных починок и для часто встречающихся безотлагательных работ, во время же общих ремонтных работ, содержание людей Мастерской команды оказывается не выгодным и не производительным, так как на одну их хозяйственную администрацию расходуется 6 человек, которые обходятся казне 1191 руб. в год и не приносят собственно для работы никакой пользы. Содержание всей мастерской команды, не считая квартир, отопления и освещения, по штатам утвержденным 28 ноября 1858 года обходится Министерству Двора: на жалование 84 человек и на рабочую одежду 905 рублей, а всего 16 709» [VII, л. 2].

Вольные мастера нанимались через торги, объявления о которых многократно (до шести раз) публиковались в газете «Полицейские ведомости»⁸. Практика привлечения через торги вольных мастеров была широко распространена в этот период. Самый яркий пример — привлечение вольных мастеров для работ по ремонту мебели, спасенной от грандиозного пожара Зимнего дворца в 1837 г. Это совершенно естественно. Мастерские, занятые текущей работой по поддержанию дворцовой мебели в надлежащем состоянии, не могли выполнять большие объемы работ, возникавшие вследствие экстренных обстоятельств, таких как пожар, наводнение, прием важных гостей и т. п.

Гофмейстерская контора также размещала выполнение заказов для Императорского двора среди вольных мастеров. В качестве иллюстрации можно привести документы на заказ трюмо для Петергофского дворца (см. рис.).

«1836 года августа 21 дня я, нижеподписавшийся резного дела Мастер Василий Захаров, дал сию подписку Министерства Императорского Двора Гоф Интендантской конторе в том, что обязуюсь сделать для Петергофского дворца в комнаты Императрицы Александры Федоровны по данному мне рисунку под № 2м половое трюмо резной работы с позолотою за пятьсот восемьдесят рублей ассигнациями, на условиях: 1е, означенное трюмо сделать из сухого липового и соснового дерева во всем согласно рисунку, но с тем что-

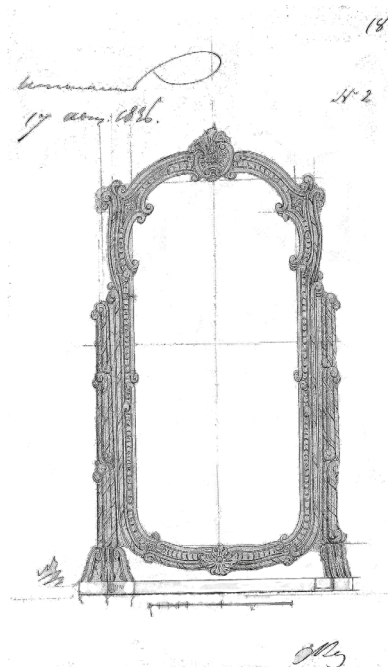
⁸ В качестве примера можно привести распоряжение о назначении торгов по уходу за мебелью Елагиноостровского дворца: «По контракту, заключенному 5го июня 1844 года, Столярного цеха Мастер Гемпель обязан содержать в исправности по Елагино-островскому дворцу и принадлежащим к оному строениям всякого рода мебели, не исключая и простой, также и двери с украшениями, а по Собственной Его Величества даче чистить мебель, с зарплатою ему в год по 327 руб. серебром. Срок сему Контракту минет 5го июня сего года; почему и нужно вызвать желающих на принятие вновь сей обязанности, по утвержденным Конторою для сего кондициям. Определение. На протяжении помянутой обязанности, вызвать вновь желающих к торгу 6го и переторжкою 10 числа мая месяца; для чего препроводить в Комитет Правления Императорской Академии Наук и в Редакцию Полицейской газеты объявления, просить, пропечатать оные троекратно в прибавлениях помянутых газет» [VIII, л. 5]. «По сему вызову никого желающих не явилось. Определение. На принятие вновь помянутой обязанности, вызвать вновь желающих; к торгу 24го и переторжкам 28го числа сего месяца: для чего препроводить в Комитет Правления Императорской Академии Наук и в Редакцию Полицейской Газеты объявления, просить пропечатать оные троекратно в прибавлениях помянутых газет» [VIII, л. 1].

бы нижняя доска трюма не доходила до полу, а стояло бы трюмо на боковых тумбочках. 2е, Стекла для трюмо употреблено и вставлено от казны, а мне приделать по препорции доску сделанную в филенках, потом по сделании трюмо доставить куда приказано будет, и по надлежащем освидетельствовывании и одобрении сдать оное кому следует. 3е, Работу начать со дня разрешения и кончить к 1 генваря будущего 1837 года. 4е, За прочность трюма принимаю ответственность на один год, в обеспечение чего предоставляю удержать из означенной суммы сто рублей. 5е, Если я помянутое трюмо сделаю не согласно рисунку, или при освидетельствовывании окажется сделанным не чисто и позолота найдена будет не в надлежащем виде, то Контора вправе заказать оное на мой счет <...> Контора Завода имеет честь уведомить, что потребное зеркало, для позолоченного трюма, в Петергофский дворец, Завод находит удобным доставить на место по первому открытию летнего сообщения»⁹ [IX, л. 1, 9].

Проект интересен и тем, что формы и декор трюмо представляют яркий пример нового творческого метода — эклектики. Причем на начальном этапе, а это проект 1836 г., отчетливо прослеживается отсутствие знаний специфики форм исторических стилей, положенных в основу проектирования. Внешние признаки барокко и рококо, создающие рисунок резной рамы, сплетают нелепую композицию, главное достоинство которой составляет новизна подхода в рисунке и композиции предмета.

Яркой иллюстрацией объемов работ, выполняемых вольными мастерами, могут служить счета мастера Эмзена на работы по реставрации полировки мебели Зимнего дворца: «Мебели политурой выполировано и лаком покрыто. По комнатам Императрицы Марии Федоровны. Стол круглый с полами большой 2 по 4 р. Столов китайских 3 по 1 [р.]. 8ми угольный средний 1 — 3 р. Шкапов больших 3 по 8 р. Ширмы о 6 половинках 1. Поплевок с пружиною. В комнатах графини Томафис. Стол ломберный. В комнатах Государя Императора. Столов круглых больших с полами 5. 4х угольных больших 2. Комодов 2. Ширмы о 4х половинках. Стол 4х угольный средний» [X, л. 3, 4].

В январе была произведена переполіровка 267 предметов на сумму 806 руб. Представленные и подшитые в дело счета позволяют с большой точностью произвести подсчет объемов работ бригады мастеровых, работающих под руководством вольного мастера немецкого столярного цеха Эмзена¹⁰. В феврале они произвели

Проект трюмо для Большого Петергофского дворца. 1836 г. РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (106/540). Д. 137. Л. 18

⁹ Позднее был представлен отдельный счет «за приделку к трюмо для петергофского дворца резного с позолотою шести колес медных 29 руб.» [IX, л. 19].

¹⁰ В 1830 г. столярный мастер Эмзен умирает. Разрешение на производство работ, по которым у мастера имелись договоры, просит у Немецкого столярного цеха, членом которого он состоял, и получает его жена: «1830 года генваря 27 дня. Я нижеподписавшая столярная мастерица Кристина Эмзен дала сию подписку в том, что по оканчивающемуся контракту покойного мужа моего принимаю на себя обязанность: чистить, чинить, покрывать лаком и полировать мебель во

регенерацию полировки на 198 предметах (199 руб.), а в марте — на 750 (2002 руб.). Более чем трехкратное увеличение объема выполненных работ не означает того что мастера стали работать в три раза быстрее. Мастер, отвечая за качество работ и сроки их выполнения, мог увеличивать или сокращать количество мастеровых в зависимости от объема работ. В апреле было переполировано в два раза меньше предметов, чем в марте, — только 322 предмета (920 руб.). Количество предметов, по которым велась работа, ошеломляет. В мае было отреставрировано 243 предмета на сумму 673 руб.

Для мастеровых, нанимаемых со стороны для выполнения работ во дворце, существовали строгие правила.

«1, <...> Каждый поступающий по найму для работ в Зимнем Дворце, обязан иметь некоторые свои необходимые для работы инструменты, всякий по своему мастерству, которые должны быть всегда в исправности и под своим наблюдением за сохранность их.

2, Одежду всякой должен иметь собственную свою, приличного вида, не рваную и чистую, для работы во дворце по образцу ныне существующей, состоящей из полотняной, или нанковой куртки, с чистым фартуком, и выходную по своему произволу.

3, Помещением довольствоваться тем, кому где отведено, ныне временно пока в Придворно-Канторском доме, а после в здании дворца и прикосновенным к оному зданиям. <...>

4, Содержание должны иметь собственное свое и приготавливать оное своими средствами, но если кто пожелает, то за условную плату может харчеваться в Служительской команде.

5, На работе обязаны находиться ежедневно летом с 6 часов утра до 8 часов вечера, а зимою с 8 часов утра до 6 часов вечера, имея в течение дня на отдых летом 2 часа, а зимою 1 час, но во время зимних месяцев, при экстренных работах, обязаны быть на работе во всякое назначенное время днем и вечером, за что будут получать соответствующее число часов отдыха в рабочее время, по миновании экстренных работ» [VII, л. 50].

Особенно интересной и практически неизвестной сферой деятельности Гоф-интендантского ведомства является школа, учрежденная при Мастерском дворе. Положение для нее было подписано «собственною Его Императорского Величества рукой в С. Петербурге 4го мая 1827 г.» [XII, л. 191].

Школа была предназначена для обучения «наукам и мастерствам» [XII, л. 191] мальчиков, рождавшихся в семьях штатных мастеровых ведомства, находящихся в Санкт-Петербурге. Следить за появлением детей и вовремя брать их на учет вменялось в обязанность смотрителя над мастеровыми. По окончании учебы выпускники школы должны были «обращаемы быть для комплектации и содержания потребного числа людей по мастерствам» [XII, л. 191]. Поэтому «увольнение или перевод детей мастеровых в другое ведомство вовсе запрещается» [XII, л. 191]. При рождении ребенка на него назначалось пособие из канторы по 30 руб. в год на каждого, и предписывалось оставлять детей при родителях до шестилетнего возраста. По достижении шести лет ребенок определялся в школу. Подчеркивалось, что учиться они должны именно в ведомственной школе. Это не распространялось на детей вольных мастеров, работающих по контракту, или

всех дворцовых зданиях Гоф-интендантского Ведомства исключая Елагиноостровского дворца по ценам в Контракте» [XI, л. 82].

чиновников конторы, которым учение в этой школе воспрещалось. «Для большей удобства в преподавании учения и облегчения мастеровым в содержании детей» [XII, л. 191] на территории Мастерского двора выделялось помещение на шестьдесят человек, куда предлагалось в основном помещать сирот и детей мастеровых, живущих вне двора. Казна обеспечивала их пищей и одеждой. Если же детей шестилетнего возраста оказывалось больше, чем шестьдесят, то не поступивших в школу предлагалось оставлять при родителях до появления вакансий и выдавать на их содержание из конторы по 50 рублей в год на каждого. Помещение для их обучения следовало расположить поблизости от того, где воспитываются первые шестьдесят школьников.

Учение в школе разделялось на четыре класса: «1. Начального познания Русского языка, читать и писать и первых правил Арифметики; 2. Чистописания и последних правил Арифметики и Геометрии; 3. Рисовальной; 4. Закон Божий» [XII, л. 191]. Занимались каждый день, кроме выходных и праздников, по шесть часов. По вторникам, четвергам и субботам один час определялся для «учения и познания Закона Божия» [XII, л. 191], для чего приглашали священника из ближайшей приходской церкви. Детям старшего возраста два часа после обеда отводилось для практического обучения. Часы обучения и темы уроков предлагалось определить по усмотрению Гофинтендантской конторы.

Практическое учение ставило целью наилучшим образом определить и «употребить в пользу» [XII, л. 191] первые раскрывающиеся способности детей. Их распределяли «по мастерствам: золотарному, медному, слесарному, кузнечному, столярному, токарному, резному и другим, сколько к каждому по усмотрению Конторы признано будет нужным, назначая преимущественно детей, к тем мастерствам, в коих отцы их находятся» [XII, л. 191].

С десятилетнего возраста приступали к практическому обучению. Обучением занимались сами мастера, а если кто-либо из них находился в командировке, его место занимал «старший и искуснейший подмастерье» [XII, л. 191]. Дети приходили в мастерские после обеда в 12 часов. Практические уроки продолжались два часа, после чего дети возвращались в школу. Был прописан и характер занятий: «Мастер сперва показывает и внушает детям, что и как делается, а когда начнут понимать, то заставляя и самих их производить легкие работы» [XII, л. 191]. Контора следила за тем, чтобы занятия вели казенные мастера. Если же фронт необходимых работ оказывался недостаточным, учеников посылали в другие здания ведомства в сопровождении особых надзирателей. Детей, назначенных к обучению садовому мастерству, для практических занятий посылали к садовому мастеру Таврического сада в вакантное время. В прочее же время предполагалось обучать их «оконничному мастерству, дабы впоследствии и сию работу могли исправлять в оранжереях» [XII, л. 191]. Программа школьного образования была рассчитана на шесть лет. Впрочем, в зависимости от успехов, а также силы и возраста ученики могли быть определены в мастеровые и раньше, но по достижении 14 лет.

С особенно пристальным вниманием в школе подходили к воспитанию. В обязанностях учителей отдельной строкой прописано: «Внушать детям строгую нравственность, почтение к родителям, повиновение к Начальству и власти, законом поставленной» [XII, л. 191]. Всем преподавателям, кроме священника, для их удоб-

ства предоставлялись казенные квартиры на Мастерском дворе. За это они должны были по очереди дежурить в помещении воспитанников вместе с положенным по штату надзирателем, чтобы сохранять «порядок и устройство» [XII, л. 191]. С детьми следовало «обходиться... кротко, но без всякого послабления» [XII, л. 191]. Телесные наказания были запрещены. «Шалости» [XII, л. 191] следовало пресекать на месте, но если «случаются непростительные» [XII, л. 191], то воспитанник помещался под арест, а учитель писал докладную записку смотрителю над мастерскими. Ему же подавался ежедневный утренний рапорт о состоянии дел в школе. В случае болезни кого-либо из детей докладывали незамедлительно «для принятия нужных мер» [XII, л. 191].

За поддержание порядка в школе, нравственность учеников и их успехи, подтвержденные на экзаменах, учителя в конце года вознаграждались денежными выплатами, размер которых определялся конторой.

Подобным же образом определялись задачи мастеров. «Во время практического обучения мастера также должны обходиться с детьми ласково, на первый раз доставлять им более пользоваться любопытством и постепенно открывать в детях охоту к учению, показывая все, что к работе или мастерству относится; но не допускать праздности или лени» [XII, л. 191]. Подчеркивалось, что мастер должен воспитывать личным примером, в том числе не допускать «излишней праздности в то время, когда дети у них находятся будут» [XII, л. 191].

Лучшие самостоятельные работы учеников, «кои будут отличнейшей отделки» [XII, л. 191], мастер должен присылать смотрителю над мастерскими, сопровождая их запиской, подписанной им самим и выполнившим работу школьником. За старания и успехи учеников мастерам полагалось ежегодное вознаграждение, для которого в бюджете конторы предусматривалась отдельная статья. Предусматривались и штрафы: «Ежели при экзамене окажется, что школьники мало или худо знают науки и мастерства, то подвергать учителей и мастеров денежному оштрафованию по усмотрению» [XII, л. 191]. Штрафные суммы вычитались из жалования и добавлялись в премиальный фонд. Избежать штрафа можно было лишь в том случае, если в период обучения ежедневные записи доказывали, что школьник «худо учился от неспособности к наукам или мастерству» [XII, л. 191]. Для ведения ежедневных записей каждый учитель и мастер должны были иметь «тетрадь за шнуром и печатью смотрителя над мастерскими, в которую со всей верностью и исправностью ежедневно записывать, с каким успехом всякий ученик продолжает учение» [XII, л. 191]. Если отмечалось, что учение дается с трудом и не приводит к успехам, ученика переводили к «мастерствам другого рода» [XII, л. 191], в итоге оставляя на той специализации, в которой будут достигнуты наилучшие результаты.

Ежегодно с 15 июня по 1 августа детей отпускали на каникулы, отправляя к родителям, если они об этом просили, как и в праздничные и выходные дни. Экономия в припасах зачислялась для будущего употребления. В другие дни отлучаться из школы было запрещено. В случае болезни школьники незамедлительно помещались в лазарет, учрежденный при Мастерском дворе, под наблюдение доктора. По его усмотрению в тяжелых случаях они могли быть определены в «Придворную Гошпиталь» [XII, л. 191].

Смотритель над мастерскими вел особый журнал по мастерствам, в который вносились сведения обо всех работах воспитанников. Мелкие вещи хранились от-

дельно и предоставлялись на экзамене. Главным лицом, за которым закреплялось право принятия всех решений в школе, был попечитель. Его обязанности прописаны отдельно. Именно ему принадлежало право принятия всех решений, об отпусках, поощрениях, наказаниях, переводе на другую специальность и т. д. Смотритель ежедневно предоставлял ему доклад. Помимо этого, попечитель должен был как можно чаще лично проверять школу, а также он «слушает частные экзамены учеников, успевающих в науках и мастерствах, и побуждает ленивых такими средствами, какие он найдет более приличными и действительными» [XII, л. 193]. Отчет о своих наблюдениях попечитель предоставлял в контору. Разрешать или менять самому что-либо в положениях или распоряжениях конторы ему запрещалось.

Два раза в год, в начале июня и в конце декабря, Гофинтендантская контора «общим присутствием» и в присутствии архитекторов и мастеров принимала экзамены в школе по всем предметам и практике. В качестве наград раздавали книги, инструменты и «другие подобные вещи» [XII, л. 195]. В особую книгу вносились имена учеников и оценка их успехов, «как отличившихся и получивших награды, так равно тупых и к мастерствам не имеющих способности» [XII, л. 195].

Для трудолюбивых и талантливых воспитанников предусматривались широкие перспективы сообразно их склонностям. Несколько человек ежегодно посылались в Академию художеств «для обучения Архитектуре, Скульптуре и другим художествам по усмотрению» за счет казны [XII, л. 195]. По окончании академии ученики Гофинтендантского ведомства «в замен употребленного на воспитание их казенного содержания» [XII, л. 195] должны были прослужить по ведомству конторы до 45 лет «в должностях, какие сообразно способностям их назначены будут» [XII, л. 195], а далее получали полную свободу. Учившиеся в академии, но не достигшие звания художников, обращались в мастерские согласно их первоначальному назначению [XII, л. 195].

Тех выпускников школы, которые оставались при ведомстве, контора распределяла «по мастерствам» и внимательно следила за их поведением и профессиональным ростом. Достоянейших предполагалось помещать впоследствии на вакансии подмастерьев, а потом и мастеров.

Школьников, неспособных заниматься ремеслом в силу слабого здоровья, но умевших хорошо читать и писать, определяли в канцелярию конторы на должности писцов. Со дня зачисления на службу начинал засчитываться срок для получения офицерского звания — 25 лет. «Впрочем, если кто из них окажет отличное усердие, хорошее поведение и способности к производству дел до такой степени, что в состоянии будет исправлять в точности должность Столоначальника, Бухгалтера или Контролера, и Контора опытами трудов в том удостоверится; то для поощрения таковых производят их в Офицеры через 15 лет. Но при том наблюдать, чтобы они в Офицерском звании прослужили еще по ведомству Конторы десять лет и через то выполнен был срок, для них определенный» [XII, л. 195].

Мастерская рота при заполнении вакансий всегда нуждалась в мастерских, в совершенстве знающих свое дело. Министерство Императорского двора пыталось для заполнения вакансий присылать ветеранов из инвалидной роты. Однако эта идея оказалась неудачной. В 1844 г. майор от ворот Зимнего дворца инженер-

полковник Кубе представил рапорт его светлости господину министру Императорского двора генерал-адъютанту и кавалеру князю Волконскому:

«Мастерская рота Императорских дворцов комплектуется воспитанниками Школы Гоф-Интендантского ведомства и за недостатком оных нижними чинами из Военного ведомства. Последние сии чины высылаются в Мастерскую роту из внутренней стражи большей частью слабые, пожилых лет, совсем не знающие никакого мастерства и нередко с испорченной нравственностью, отчего вместо ожидаемой от них в роте пользы, составляют они только счет мастеровых и могут быть употреблены не иначе как для черных работ. Имею честь о таковом затруднительном комплектовании мастерской роты представить на благоусмотрение Вашей Светлости и покорнейше просить об исходатайствовании для устранения сего на будущее время, комплектовать оную вместо рядовых внутренней стражи, мастеровыми мастерской команды, состоящей в ведении Департамента Военных поселений» [XIII, л. 1].

Мастерская рота продолжала комплектоваться мастеровыми военных поселений на работы, не требующие особых знаний и навыков. При зачислении же на должности, требующие профессиональных навыков, предпочтение отдавалось ученикам школы: «Предложил я Г. Обер-Гофмейстеру Опочинину принять меры, чтобы вакансии в Мастерской роте по тем мастерствам коим обучаются кантони-сты мастерской команды военного ведомства, замещаемы были, сколько возможно воспитанниками школы детей мастеровых, в Гоф-интендантском ведомстве состоящей» [XIII, л. 4]. Примером может служить документ об определении в мастерскую роту двух воспитанников школы:

«Г. Майору от ворот Императорского Зимнего дворца. Инспектор школы детей мастеровых Надворный Советник Коробка донося сей Конторе, что 15 ч. текущего месяца произведено было испытание воспитанников школы в науках, присовокупил, что в числе означенных воспитанников находятся Николай Кобыльников сын столяра и Михайла Зыков сын трубочиста, достигшие уже лет 1й 17ти и 2й 16ти для замещения по мастерствам Мастерской роты. Гоф-Интендантская контора, назначив помянутых воспитанников к выпуску из школы для определения на службу в мастерскую роту Императорских дворцов и предписав Инспектору Коробке исключить их из списков школы и препроводить к Вам, имеет честь уведомить о сем Ваше Высокоблагородие. Прося учинить зависящее с стороны Вашей распоряжение о зачислении сказанных воспитанников на службу по Мастерской роте» [XIV, л. 57].

Степень сложности работ можно легко представить себе, открыв документы этого времени. Сам император Николай Первый часто давал распоряжения об обустройстве дворцовых интерьеров или их отделке. В 1847 г. проходит очередная ревизия дворцового имущества. Предметы мебельного убранства, которые вышли из моды, но продолжали составлять художественную ценность коллекции мебели Эрмитажа, по личному указанию императора сохраняют в Таврическом дворце. «Честь имею донести Вашей Светлости, что Государь Император в последнее посещение Эрмитажа изволил дать следующие повеления. По Эрмитажу. 1, Всю старинную мебель красного дерева с медными вкладками /которая ныне выставлена в коридоре Павильона/ и которая может еще найтись в других местах, отослать в Таврический дворец, где она с имеющейся там подобною, должна быть распреде-

лена по категориям и размещена по комнатам». На полях приписка: «Да, и исправлена, вызолочена и лакирована» [XV, л. 2].

В этом случае речь идет о модной в период правления Павла Петровича мебели красного дерева с калевками, облицованными латунью. Иначе эту мебель называли «Жакоб». Она была отремонтирована, отлакирована и отполирована. Востребована эта мебель будет в 1880-е годы императором Александром Третьим, который ее любил и которой по его указанию были обставлены интерьеры царской резиденции — Гатчинского дворца¹¹.

Сохранение старинных и мемориальных вещей проходит красной нитью через деятельность Гофинтендантской конторы в этот период. Предметы как перемещались на хранение в Таврический дворец, так и возвращались во дворец. «По Высочайшему Государя Императора повелению трон, находящийся в Таврическом дворце, бывший в малой тронной Зимнего дворца, назначен ныне в Петровскую залу; но как кресло и скамья требуют позолоты, то приказав Камергеру Хрущеву передать оные в ведение Гоф-Интендантской конторы, предлагал сделать распоряжение, чтобы они были вызолочены вновь в мастерских сей конторы, и по изготовлении возвращены г. Хрущеву, а Его Светлости донести тогда об издержках, которые производство сей работы употреблена будет для возврата оной Гоф-Интендантской конторе; в следствие чего <...> предписывалось Ефимовичу: означенные кресло и скамью вызолотить казенными мастерскими в самом лучшем виде, когда же совершенно будут вызолочены кресло и скамья; возвратить г. Хрущеву, и о всей издержке, какая на производство сей работы употреблена будет. Представить в Контору исчисление» [XVI, л. 14].

Убранство интерьера — это живой, подвижный организм, подверженный изменениям во взглядах и представлениях о красоте, назначения, владельца и массы сопутствующих факторов. Поэтому мебель не всегда заменяли, иногда ее переделывали в соответствии с назначением или изменением вкусов. Для реставраторов всегда большая проблема — атрибуция предметов, в которые были внесены изменения почти сразу после их создания. Между тем подобного рода работы довольно часто выполнялись мастерами конторы.

«Рапорт. Предписанием Гоф-Интендантской Конторы от 16го минувшего марта предписано было приделать к находящимся в опочивальной комнате на половине Великого Князя Константина Николаевича боковым шкапикам два выдвижные диваны обитые голубым сафьяном, по приказанию Его Превосходительства Господина Обер Гофмейстера и Кавалера сделать столярным мастером Гроссе два означенных дивана папильного дерева обитые подчерно ценою за двести пятьдесят рублей на обивку коих употреблен голубой трип снятый с бывших в оных комнатах двух турецких диванов. Донося о сем Гоф-Интендантской Конторе покорнейше прошу о выдаче Гроссе денег

¹¹ «Счет Поставщика Высочайшего Двора К. Гринберга. В Главное Дворцовое Правление. Мебель из Таврического Дворца. Шкаф большой исправлен, вновь отполирован, верхняя доска обтянута зеленым сукном. Экран Ясак красного дерева с бронзой, исправлен, приделаны недостающие части, отполирован и затянут с одной стороны французской шагренью, в другой шелковой материей с вышивкой и приделаны два новые бронзовые вазика. Стол с бронзой с подъемной крышкой, внутри 5 ящиков и клапан оклеенный сафьяном исправлен, приделаны недостающие части, заново вычищен и отполирован, приделана новая бронзовая золоченая ручка и личинка, а также исправлен замок и приделан новый ключ» [XVII, л. 157].

сделать свое распоряжение о внесении в опись по кладовой двух турецких диванов без обивок, снабдив меня предписанием» [XVIII, л. 130].

Рассмотренные материалы восполняют лакуну в области сохранения предметов декоративно-прикладного искусства и мебели в XIX в. Анализ архивных документов раскрывает деятельность людей, ответственных за сохранность предметов, которые уже в то время считались произведениями искусства, и роль Гофинтендантской конторы, которая вела работы по поддержанию предметов в соответствующем их статусу состоянии. Она выступала куратором работ, возникавших вследствие стихийных бедствий. В этих случаях требовалось привлечение большого количества мастеров для ликвидации их последствий. Гофинтендантская контора через торги приглашала вольных мастеров. На основе изучения обязанностей, изложенных в должностной инструкции гофмаршала, стал понятен феномен существования на старой мебели особо прочного отделочного слоя, который создавался в результате ухода за мебелью, ее ежегодной полировки. Особую ценность имеют сведения о деятельности школы при Гофинтендантской конторе, которая обеспечивала преемственность мастерства, а также его высочайший уровень.

Литература

1. Даль, Владимир. *Толковый словарь живого великорусского языка*. 2 тома. М: Олма-Пресс, 2002, т. 1.
2. Пушкарев, Иван. *Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С. Петербургской губернии*. 4 тома. СПб.: тип. Н. Греча, 1839–1842, т. 1.

Источники

- I. РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 328.
- II. РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (147/581). Д. 127.
- III. РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 319.
- IV. РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (106/540). Д. 110.
- V. РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 182.
- VI. РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 144.
- VII. РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 168.
- VIII. РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 319.
- IX. РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (106/540). Д. 137.
- X. РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (106/540). Д. 15.
- XI. РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 166.
- XII. РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 267.
- XIII. РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 73.
- XIV. РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 77.
- XV. РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 76.
- XVI. РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (106/540). Д. 192.
- XVII. РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 20.
- XVIII. РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (106/540). Д. 87.

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2017 г.;
рекомендована в печать 31 мая 2018 г.

Контактная информация:

Торбик Владимир Сергеевич — канд. искусствоведения; vtorbik@mail.ru
Чаликова Елизавета Анатольевна — echalikova@mail.ru

From the history of the restoration of artistic furniture in Russia. Some facts of the activity of the Office of the Court Quartermaster at the Imperial Court in the 19th century

V. S. Torbik, E. A. Chalikova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Torbik, Vladimir, and Elizaveta Chalikova. "From the history of the restoration of artistic furniture in Russia. Some facts of the activity of the Office of the Court Quartermaster at the Imperial Court in the 19th Century". *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 8, no. 3 (2018): 508–24. doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu15.2018.310>

The article examines the activities of the Office of the Court Quartermaster which was founded to preserve and keep in order furniture and other decorative objects of the imperial palaces in the XIX century. The documents describing the requirements for maintaining furniture as well as the duties of those responsible for the preserving palace property are outlined. The Commissary of Furniture department was in charge of interior decoration. His job description included criteria which he was supposed to apply in order to maintain palace furniture; the type and frequency of the restoration tasks. The work itself was carried out by artisans from the Artisan Company. The article exemplifies types of such tasks. Of special importance are the documents that reveal the frequency of restoration work. In order to supply the Artisan Company with qualified personnel, a school for the children of artisans employed by the Office of the Court Quartermaster was created. The principles and methods used in the school for practical training of craftsmen are studied in the article. A special attention is paid to the forms of upbringing and selection of pupils in accordance with their aptitudes. The craftsmen of the Office of the Court Quartermaster were unable to undertake all the tasks of maintaining in proper condition the entire palace property. To carry out works to eliminate the consequences of natural disasters the Office hired independent masters by tender. Their activities are outlined in the documents describing various kinds of work on the preservation of palace property. In addition, independent masters received commissions for furniture items to complete palace interiors. As an example of such task, the design drawing of a pier glass for Peterhof Palace is presented, which shows a new eclectic approach to designing and manufacturing furniture. The article is based on the study and analysis of archival documents, many of which are published for the first time.

Keywords: the office of the head of state, furniture, master, repair, restoration, school, eclectic, palace interior.

References

1. Dal', Vladimir. *Tolkovyie slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*, 2 vols. M: Olma-Press, 2002, vol. 1. (In Russian)
2. Pushkarev, Ivan. *Opisanie Sankt-Peterburga i uездnykh gorodov S. Peterburgskoi gubernii*. 4 vols. St. Petersburg: tip. N. Grecha, 1839–1842, vol. 1. (In Russian)

Sources

- I. RGIA. F. 468. Op. 35. D. 328 [Russian State Historical Archive. Stock 468. Inventory 35. Record 328]. (In Russian)
- II. RGIA. F. 470. Op. 3 (147/581). D. 127 [Russian State Historical Archive. Stock 470. Inventory 3 (147/581). Record 127]. (In Russian)

- III. RGIA. F. 472. Op. 2. D. 319 [Russian State Historical Archive. Stock 472. Inventory 2. Record 319]. (In Russian)
- IV. RGIA. F. 470. Op. 2 (106/540). D. 110 [Russian State Historical Archive. Stock 470. Inventory 2 (106/540). Record 110]. (In Russian)
- V. RGIA. F. 469. Op. 14. D. 182 [Russian State Historical Archive. Stock 469. Inventory 14. Record 182]. (In Russian)
- VI. RGIA. F. 472. Op. 2. D. 144 [Russian State Historical Archive. Stock 472. Inventory 2. Record 144]. (In Russian)
- VII. RGIA. F. 469. Op. 11. D. 168 [Russian State Historical Archive. Stock 469. Inventory 11. Record 168]. (In Russian)
- VIII. RGIA. F. 472. Op. 2. D. 319 [Russian State Historical Archive. Stock 472. Inventory 2. Record 319]. (In Russian)
- IX. RGIA. F. 470. Op. 2 (106/540). D. 137 [Russian State Historical Archive. Stock 470. Inventory 2 (106/540). Record 137]. (In Russian)
- X. RGIA. F. 470. Op. 2 (106/540). D. 15 [Russian State Historical Archive. Stock 470. Inventory 2 (106/540). Record 15]. (In Russian)
- XI. RGIA. F. 469. Op. 14. D. 166 [Russian State Historical Archive. Stock 469. Inventory 14. Record 166]. (In Russian)
- XII. RGIA. F. 468. Op. 35. D. 267 [Russian State Historical Archive. Stock 468. Inventory 35. Record 267]. (In Russian)
- XIII. RGIA. F. 469. Op. 11. D. 73 [Russian State Historical Archive. Stock 469. Inventory 11. Record 73]. (In Russian)
- XIV. RGIA. F. 469. Op. 11. D. 77 [Russian State Historical Archive. Stock 469. Inventory 11. Record 77]. (In Russian)
- XV. RGIA. F. 469. Op. 11. D. 76 [Russian State Historical Archive. Stock 469. Inventory 11. Record 76]. (In Russian)
- XVI. RGIA. F. 470. Op. 2 (106/540). D. 192 [Russian State Historical Archive. Stock 470, inventory 2(106/540). Record 192]. (In Russian)
- XVII. RGIA. F. 491. Op. 3. D. 20 [Russian State Historical Archive. Stock 491. Inventory 3. Record 20]. (In Russian)
- XVIII. RGIA. F. 470. Op. 2 (106/540). D. 87 [Russian State Historical Archive. Stock 470. Inventory 2 (106/540). Record 87]. (In Russian)

Author's information:

Vladimir S. Torbik — PhD; vtorbik@mail.ru

Elizaveta A. Chalikova — echalikova@mail.ru